

Юрий Лифшиц

И мы

Роман-CD

Юрий Лифшиц
И мы. Роман-CD

«Издательские решения»

Лифшиц Ю.

И мы. Роман-CD / Ю. Лифшиц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832557-1

Роман Ю. И. Лифшица «И мы» — произведение яркое, талантливое, свежее. В романе имеет место быть хорошо организованная игра между зрителем и читателем, и пронизывающая все произведение авторская ирония, и органически присущая роману интертекстуальность, создающая его емкое культурное пространство. Роман обязательно оставит свой след в отечественной прозе начала XXI века. В оформлении обложки использована картина нидерландского живописца Питера Брейгеля Старшего (1525—1569) «Вавилонская башня».

ISBN 978-5-44-832557-1

© Лифшиц Ю.
© Издательские решения

Содержание

О романе Ю. И. Лифшица «И мы»	6
И мы	9
Трек 01	10
Трек 02	14
Трек 03	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

И мы Роман-CD

Юрий Лифшиц

© Юрий Лифшиц, 2017

ISBN 978-5-4483-2557-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О романе Ю. И. Лифшица «И мы»

Роман Ю. И. Лифшица «И мы» – произведение яркое, талантливое, свежее. Роман вызовет несомненный интерес у читателя, более или менее знакомого с классической и современной литературой, но особенный интерес – у читателя, склонного к постмодернистской литературе, потому что выразительные признаки таковой в произведении налицо.

Здесь и хорошо организованная игра между зрителем и читателем, и пронизывающая все произведение авторская ирония, и органически присущая роману интертекстуальность, создающая его емкое культурное пространство, и внешняя фрагментарность повествования, достигаемая делением романа на 15 треков.

В таком обозначении традиционных главок есть свой смысл, т. к. автор использует многозначность слова «трек»: это и «дорожка», и «новая тема», и «след». Действительно, каждый трек вводит новую тему: – философскую (трек 02), тему «лишнего человека» (трек 05), современной журналистики (трек 07), тему Гамлета (трек 08), любви (трек 12), писателя и его труда (трек 13 – «сгоревшая рукопись»), фантастический взгляд в будущее 3000 года (трек 15). Но все они – дорожки-мотивы на пути к одному, мощно заявленному и талантливо реализованному центру – образу Автора. Благодаря этому роман не затеряется в потоке современной литературы, он обязательно оставит свой след в отечественной прозе начала XXI века.

Авторский мир – это Текст. Автор рождается и живет благодаря созданному в языке пространству и времени. Практически в каждом треке проскальзывает мысль: не будет Слова – не будет никакого рассказа – а значит, не будет и героя, Лившица. Именно повествовательно-словесная ткань романа – стихия, в которой рождается, умирает и возрождается его главный герой. И мир героя, Лившица, как и мир автора, Лифшица, – это тоже творимый им текст: текст жизни и смерти, текст любви. Модный в наше время термин «метатекстуальность» наполняется Смыслом, когда идут размышления (героя? автора?) о подлинном тексте (трек 08), о невозможности достичь истины (трек 09), о многомерности настоящего текста. За этими раздумьями скрывается филолог, ищущий верное измерение / понимание собственного текста.

Нельзя не процитировать следующие строки: «Подлинный текст невозможно разбить на сцены, он не имеет ни ремарок, ни характеров, неизвестно кем навязанных действующим лицам...» А вот как автор и его герой философ Гегельян понимают сложную структуру текста: три пространственных и временное измерение (четыре), плюс дополнительная возможность скользить по эмоциональной плоскости (пять), плюс область мысли (шесть), «ну а в сферу истины (семь) подавляющему большинству из нас путь заказан».

Филологичность автора, его энциклопедическая начитанность – от античности до современности – ощущаются постоянно. Вот в треке 01 автор, представляя своего героя, Лившица, рисует его портрет: «Безработный, бесхозный, безалаберный, беспробудный, безразмерный, бесконвойный, беззаботный, бессловесный, бездомный, беспорточный, безобразный, бескозырный мужчина прустовского возраста домогается исключительно брачного контракта и готов от избытка генитальной мощи возложить бремя на кого Бог пошлет». В этом доходящем до абсурда перечислении эпитетов, угадывается Ф. Рабле, пародия на раблезианский портрет брата Жана. О романе знаменитого французского писателя напоминает и словообраз «жрица оракула Бездонной Полулитры» (трек 09) – вспомним оракула Божественной Бутылки у Рабле. Литературоведческое эссе разворачивает Автор в треке 08, давая свою версию понимания шекспировского «Гамлета» – очень нестандартную, оригинальную, аргументированную. В этой главке, конечно же, нашло свое воплощение пристрастие Ю. И. Лифшица-переводчика к Шекспиру.

Отметим, что переводы Лифшица из Шекспира не остались незамеченными: он неоднократно выступал на шекспироведческой научной конференции в Москве, на сцене Челябин-

ского ТЮЗа трагедия «Гамлет» ставилась в его переводе. О его переводах в 1996 г. писали на страницах «Комсомольской правды», о его переводе шекспировского цикла сонетов был сделан доклад на научной конференции во Владивостоке, в 2006 году сонеты Шекспира в его переводе были напечатаны отдельной книгой в издательстве Екатеринбургского университета, а в 2010 году переводы его сонетов были неоднократно упомянуты и процитированы в монографии Е. Первушиной «Сонеты Шекспира в России. Переводческая рецепция XIX – XXI вв». Все это, несомненно, отразилось на оригинальном творчестве Ю. И. Лифшица, и на его романе «И мы» в частности.

Персонаж Циркумферент, введенный автором для достижения эффекта «отстранения», «очуждения», помогает не столько по-новому взглянуть на образ Горацио (Горацио – соглядатай), но и уловить бережное отношение переводчика Ю. И. Лифшица к тексту оригинала. За словами Гамлета в этом треке явно просвечивается взгляд автора на перевод: «Вы не просто отклонились от текста, вы внедрились в него самолично, а это едва ли не худший вид преступления: соваться в чужой монастырь со своим уставом, (...) ибо текст, в котором вы существуете и который вы приметали на живую нитку к тексту, в котором существую я, будет отторгнут, как инородное тело».

Игра автора с читателем, введение «фигуры умолчания» и «фигуры отстранения» (это, конечно же, Лифшиц) в трек 03 приводит к неожиданным выводам: даже доведение мифологической ситуации до абсурда (эксперимент с софокловскими «Антигоной» и «Царем Эдипом») не может изменить финал – судьбу героев («волю богов не дано нарушить никому» – даже Лившицу, т. е. писателю). В этом увлекательном треке слились и филология (пародия на «неомифологизм» литературы XX века), и философия (бытие как категория онтологии переходит в бытие «фразы»).

В интертекстуальном плане многое узнаваемо в рассказе Гегельяна о рождении Лившица, начатом много лет назад и все еще не оконченном, просвечивает стерновский Вальтер Шенди. Крик новорожденного Лившица напоминает рождение Гаргантюа (трек 02). Бесконечные войны, развязанные потомками старшего брата, заставляют вспомнить Дж. Оруэлла («1984»); о «Скотном дворе» Оруэлла, – читая трек 10 «Инкубатор». Треки 11 – 13 – аллюзия на разные пласты «Мастера и Маргариты». Условность ситуации – «если бы я был героем твоего рассказа» – генетически ведет к Л. Пиранделло, В. Набокову, И. Кальвино. Но все названное (и не названное) предтекстие органически вплелось в новый текст – в роман Ю. И. Лифшица «И мы», существуя в его стилистике «на равных», усиливая его глубину, образуя особое пространство «культуры».

Чувство стиля у автора романа удивительное. В треке 06 передается и стиль Нагорной проповеди, и – что особенно удалось – стиль «Песни Песней» (при собственной, авторской трактовке образа царя Соломона). В треке 04, рисуя облик современного города Йорска – «города – братана» Нового Йорка, намеренно – и весьма уместно – использована обедненная лексика, а короткие назывные предложения, усеченные синтаксические конструкции (эллипсис и парцелляция) передают внутреннее движение мысли ролевого героя этой главки. Лирический монолог о любимой женщине в треке 12 и почти научный трактат о лишнем человеке в треке 05, стиль бортового журнала космического корабля и дневник героя – все это создает удивительные стилевые контрасты, а целом – необходимый стилевой «оксюморон» – единство противоположностей, соединение несоединимого.

Думается, что Ю. И. Лифшиц – автор, наделенный ярким и самобытным талантом, с удивительным ощущением творческой потенции литературного языка, автор, которого отличает выразительная точность в работе с художественным словом и неповторимая стилистическая манера, – такой автор, безусловно, способствует развитию в отечественной прозе тех ее традиций, за которые ратовал в свое время Иван Алексеевич Бунин, а потому заслуживает быть удостоенным премии великого писателя.

*Доктор филологических наук,
доцент Е. А. Первушина,
Дальневосточный государственный
Университет.*

И мы

Роман-CD (full version)

- Трек 01 Я УХОЖУ 4:51**
- Трек 02 ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ЛИВШИЦЕМ 7:58**
- Трек 03 ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ 5:51**
- Трек 04 ЙОРСК 2:24**
- Трек 05 КАК ХОЧЕТСЯ ПОРОЙ 2:38**
- Трек 06 И ТОГДА 5:06**
- Трек 07 ЛЯРУССА М 4:20**
- Трек 08 ВХОДИТ ДВОРЯНИН 5:34**
- Трек 09 УБЕЙ КОЛДУНА, ЗИГФРИД 8:30**
- Трек 10 ИНКУБАТОР 4:42**
- Трек 11 ЧТО УДИВИТЕЛЬНО 7:49**
- Трек 12 ТЫ БЫЛА 7:08**
- Трек 13 СОЖЖЕННАЯ РУКОПИСЬ 2:26**
- Трек 14 САМОЕ ТРУДНОЕ 6:22**
- Бонус: Трек 15 МАЛО МНЕ 7:06**
- Общее время звучания 82:45**

Если уж Дарвины произошли от обезьян, обезьяны – от людей, а люди – от Дарвинов...

Трек 01

- Я ухожу, —
сказала Поулина.
– На рынок? – без отрыва от монитора поинтересовался Лившиц.
– Насовсем.
– И кто же он?
– Ты его не знаешь.
– Сапожник?
– Его сын.
– Вот дура! На кой тебе он сдался, – глухой, немой, слепой?
– Безрукий и безногий, – вздохнула Поулина и спохватилась: – Сам дурак! – Она машинально паковала вещи. – Я заберу холодильник и телевизор. Ты все равно не смотришь.
– И обхожусь без манной колбасной, – согласился Лившиц, отстукивая на клавиатуре текущий текст. – А как у него с корнеплодом?
– Свинья!
– Как у свиньи?!
– Скотина!
– Свинья или скотина? Либо то, либо другое.
– Либо ты!
– Я? – изумился Лившиц. – Не уходи, Поулина! Восклицательный знак. Мы с тобой еще не исчерпали всех моих ресурсов.
– Я ему нужна.
– Ты нужна всем. Во-первых, мне, твоему родному извергу, во-вторых, а в-третьих...
– Ему нужнее.
– Ну да, он тебя бить будет.
– Я его люблю, – не подумав, возразила Поулина.
И ушла, прихватив холодильник.

Пару недель спустя Лившиц встретил ее на панели: вся в синяках, под глазами круги, она потемнела, осунулась лицом, раздобрела корпусом, зрачки помутневших глаз расширились от счастья.

«Чем это он ее? – завистливо подумал Лившиц. – Какая она красивая стала, вся такая беременная!»

В его редкие сновидения все чаще стал просачиваться сын сапожника. Оседлав корнеплод, он нетопырем порхал над Йорском и сыпал матерными пророчествами.

Сеансы полуночной магии стали достопримечательностью. Йорчане и гости города сходились на Костоломской площади, бесперебойно лузгали подсолнухи и с ностальгическим восторгом комментировали экспрессивные проповеди. Время от времени сборище топорщилось от мегафонного чавканья матострелковой милиции.

Глухонемой обкладывал пространство мозаичными проклятиями. На стену многоэтажной мэрии карабкались альпинисты с электрогитарами. У памятника Тленину цыганские дети среднеазиатских народов оптом и в розницу услаждали слух интернациональной попсой. Городской поэт и голова Маклай Саратов в четыре руки затачивал под рифму речи летучего экстрасенса. Местечковый партайгеноссе Яша Бейжидов с братьями-нибелунгами по союзу «Бурёж» рыскал среди себе подобных, разыскивая ненаших. Подруги Тапочка и Т.М.Катерпиллер, любимые друг другом, пробирались на панель. Древний грек Шоколадзе, почетный житель Йорска, прямой потомок Герострата по материнской линии, бродил в толпе с походным мангалом наизготовку, торгуя третьеводнишними кот-догами. Так он зарабатывал себе на хлеб.

– Побойтесь Бога! – ярился новый йорский Контрацептус. – Вот я вас!
Но его никто не боялся.

Лившиц остался совсем один. Если не считать кошки Мошки. Но ее, набравшись храбрости, можно было единым духом сбросить со счетов. Тем более что она, отсидев свое на сухой диете из вермишели, вскорости сама покончила с собой через форточку. Но неудачно: поскучневшую великопостницу сняла с асфальта все та же Поулина.

Они нашли общий язык на почве йорской тушенки и общеполовой солидарности. Мошка тоже была не той, за кого ее принимали, не той, за кого она себя выдавала и какой казалась самой себе. Она умела летать. Вдоль времени, поперек пространства и обратно. Сверху вниз и наоборот. Во всех мыслимых и немыслимых измерениях сразу и попеременно. Разрывая земное притяжение и сплющивая неземное. Что удастся далеко не каждой кошке. Тем более не каждой женщине. А Мошка была истинной женщиной (в подреберном понимании этого слова), как и Поулина – подлинной кошкой.

Идеальная женщина долго не давалась Лившицу. Она была стройной, но не мощеобразной; красавицей, но не фарфоровой; раскованной, но не развязной; общительной, но не болтливой; веселой, но не пустосмешкой; умницей, но по-женски; все понимающей (прежде всего – самое себя), но незаметно для мужчин; отличной хозяйкой, но не идиоткой от стерильности; пикантной, но не страдающей врожденными мигренями; знающей толк в сексе, но не озабоченной сексуально; мягкой, но не периной; ослепительной, но не сучкой; настоящей, но не мегерой; еще той, но не стервой.

Эксперимента ради Лившиц поместил в «Хроникальном Йорске», радикально умеренной газетке для пожилых цыплят, личную версию матримониальной иллюзии. Изложив на бумаге необходимые плюсы предполагаемой подруги по объявлению, он присовокупил пару слов и о себе. Безработный, бесхозный, безалаберный, беспробудный, безразмерный, бесконвойный, беззаботный, бессловесный, бездомный, беспорточный, безобразный, бескозырный мужчина прустовского возраста домогается исключительно брачного контракта и готов от избытка генитальной мощи возложить бремя на кого Бог пошлет.

После чего Лившицу пришлось бегать по чердакам, подвалам, катакомбам, конурам, дачам, канализациям, вокзалам, антресолям и травмпунктам. Женщины, девушки и бабушки забросали его фотографиями, пирожками и нижним бельем без крылышек; атаковали поротно, повзводно и поодиночке; рвали на части, частицы и античастицы. Лягались за право первой и последней ночи, за право приодеть и подбросить денюжат всех цветов радуги, хранить верность и наставлять законные рога. В заметке были четко проставлены – от и до – возрастные размеры, но йорские леди школьно-пенсионного диапазона опирались на исторический опыт сопланетчиц и могли перебить кости всякому ограничителю (половому – в том числе). Так случилось и на этот раз. Так Лившиц впервые сошел с ума. Так он познакомился с Поулиной.

Она явилась, сгребла его в охапку и отнесла к себе домой, после чего – с первой попытки – пинками отшила многоразовых претенденток на его исхудавшую руку и изможденное тело. До сердца дело обычно не доходило.

Поулина оказалась классической подругой жизни, хотя относительно лившицких представлений ее формы отличались в одну сторону, содержимое – в другую. Это ему понравилось. В этом ощущался известный субстанциональный смак. Формальный, допустим, избыток, перетекая в содержательный, предположим, недостаток, рассуждал Лившиц, генерирует оптимальное напряжение, необходимое для немордобойного союза разнополой пары. Тогда как наружно-нутряной абсолют супруги взмучивает в супруге отнюдь не гармонические грезы, а метафизические угрызения по поводу собственного несовершенства и разгильдяйства. Он же, разгильдяйничая духом и телом, нипочем не желал угрызаться. Как ни странно, Лившиц оказался совершенным – ровно настолько, насколько таковыми казались его прародители.

Он был профессиональным читателем и работал по специальности. Он прочитывал книги быстрее, чем опорожнял стопку. Всасывал их в себя, как аэротруба. Глотал, как шпаги – глотатель. По корешку догадывался о содержании; по титульному листу постигал суть; наскоро перелистав, запоминал наизусть, навечно и неизвестно на кой. Его норма – 200 книг в день – постоянно вы- и перевыполнялась. Если под рукой оказывалась книга, Лившиц уже не мог. Книги были для него ахилловым щитом, полетом валькирий, платоновой пещерой, магеллановым проливом, электронной почтой. Он читал даже газеты, даже «Хроникальный Йорск» (главный редактор – Неолид Хазаров), даже «Йорский Известняк» (главный редактор – Лярусса М), в натуре, честное слово, век воли не видать, есть свидетели, зуб дам. И не был похож ни на энциклопедическую передвижку, ни на сборный цитатник, ни на картезианскую впадину мудрости.

Единственный и неповторимый талант Лившица пришелся ко двору одного-двух его йорских современников, охочих до интеллектуального медку, отцеженного из разноплеменных сот. То да се, преломить бы культурную пайку, а жевать не с кем да и недосуг, особенно, когда кругом сплошная дамская и – тем более – вандамская суета. А ты, тебе, с тобой плюс конкретные бабсы, хотя бы и в рублевом исполнении.

И Лившиц пал на дно библиотек. Когда естественное и потому любимое ничегонеделание сопровождается реальным соцобеспечением, уже не стоит глотать жизнь большими кусками, а, нарезав на дольки, следует употреблять с чувством ежесекундного удовлетворения, с толковой партнершей, с расстановкой сервиза, если о нем кто-нибудь предварительно озаботился. У Поулины сервиз имелся, и сердце книжного червя, обожавшего фарфоровую хрупкость, млело от предвкушения, вкушения и послевкусия.

О коньячном нектаре, водочной амброзии и этиловом эликсире можно и не упоминать. А раз уж упомянуто... В доме было налито во все: от громокипящих кубков до тазиков из-под варенья. Отворились спиртовые шлюзы, разверзлись старковые хляби, забили ромовые ручьи, растеклись озера виски, заскворчали фонтаны бренди и текиловые водопады. Если же дело доходило до пива, к женатому отшельнику съезжались Очаков, Бадаевский, Невский, Толстяк, Афанасий, Шихан, Бочкарев, Медведев-Белый, Мельников-старший и прочая шпана. Вобла текла и вялилась рекой. Вино Лившиц не уважал.

Лившиц читал и предоставлял работодателям эксклюзивные сводки о прочитанном в текстовом, дискетном либо лекционном виде, когда к нему вламывались с нижайшими просьбами предстать, не усугубляя рукотворными градусами свои природные 36,6. Скрепя сердце и внутренности каким-нибудь неместным зельем, Лившиц предстал. В смокинге, манишке и бабочке на босу ногу он выглядел фешенебельно по сравнению с самим собою диванным, библиотечным и нересторанным. Это ему шло, но и не шло тоже. Он наскоро одухотворял элиту жмыхом своего умозрительного времяпрепровождения, многократно опрокидывал и в совершенно нереспектабельном виде препровождался домой в какой-нибудь «беэмвошке», заблаговременно подставленной хозяйскими мордохранителями и теловоротами под его интеллигентные, но размягченные сугубым употреблением члены.

Пытка счастьем длилась бы, наверное, до сих пор, если бы Лившиц не нарвался на дуэль. Сладкая жизнь завершилась ударом шпаги. И рана-то оказалась невсамделишная, так себе царапина, не о чем говорить, а вот поди ж ты...

«Глянул я на него, – рассказывал потом Лившиц, – а он так ехидно смотрит: дескать, иди, ждут тебя, не задерживай! или слабо? Разозлился я, была не была, где наша не пропадала, прорвемся! Шагнул – и как там и был: в правой руке – шпага, в левой – кинжал, а сам я – легкий, почти невесомый, веселый, злой, я таким и не был отродясь. Глядь, а передо мной – другой, и тоже со шпагой и кинжалом. Ну, я прошу его заняться делом, атаковать всерьез. Подозреваю, вы, как с мальчишкой, возитесь со мной. И замешкался-то на мгновение. Только шпагу поудобнее перехватил, а тот как полоснет по руке. Я и не почувствовал ничего, а на рукаве –

кровь. Если б не кровь, я бы так не распахивался. Изловчился, выбил у него шпагу, так и есть: заточена. А ведь уговор был, честь по чести, бой-то тренировочный. Вижу, смутился он и уже не так резво железкой машет. Поднапер я и аккурат в самую грудь ему шпагу и всадил. Чуть ли не по рукоять. Он так и рухнул.

Все меня обступили, что-то говорят, я что-то отвечаю, а сам ничего понять не могу, словно мне кто-то дыхание перекрывает, хватает за горло, все сильнее, сильнее, задыхаюсь, ноги-руки ватные, голова тяжелеет, сознание теряю. Так и отошел, не приходя в себя...»

Трек 02

Если бы я был Лившицем,

говаривал Гегельян за кружкой пива, я бы написал такой рассказ.

Представьте себе абсолютный мрак. Космическую полночь. Вселенское отсутствие света. Никакой определенности, никакого намека на дискретность. Совершенное ничто. Бытие, взятое со знаком минус. Инобытие. Нежизнь. Не жизнь... но и не смерть. Ибо кое-какое различие все же намечается. Точнее – зарождается. Здесь, продолжал Гегельян прихлебывая, необъяснимая, потому труднопонимаемая часть рассказа. Каким образом в абсолютном ничто возникает нечто? Однако оно возникает. И это надо принять, постараться усвоить, постигнуть или поверить на слово, хотя в этом месте повествования не было и не могло быть никаких слов. Произносимых сию секунду – тоже. Вам придется поверить, говорил Гегельян, иначе не будет никакого рассказа, а значит, и самого Лившица. А без него, сами понимаете...

Итак, в бесконечном отсутствии чего бы то ни было появляется точка, не имеющая, как сказано в геометрии, никаких размеров, следовательно – безразмерная, следовательно – зародыш всего на свете, в том числе и света как такового. Точка уже есть, но вместе с тем – еще нет, раз она не сознает самое себя, не ощущает ни времени, ни пространства. Причем, втолковывал Гегельян, ни времени, ни пространства тоже нет. Пока нет.

И вдруг (это слово будет выбегать в исторически значимые моменты повествования, первое время – довольно часто), и вдруг мрак начинает сгущаться – вокруг точки и благодаря ее возникновению. Абсолютная ночь в течение, скажем, нескольких миллиардов лет уплотняется, пока в конце концов (в нашем случае это эквивалент слова «вдруг») не вспыхивает свет. Свет – как следствие внутренней работы этой точки, как способ воздействия на точку, испытавшую безотчетное, но сверхъестественное потрясение при переходе из одного состояния в другое. В дальнейшем потрясение мало-помалу уляжется, ибо смена света и тьмы обретет известную цикличность (день – ночь), но созидательный импульс – мгновенный и сверхмощный – уже получен, и нечто в виде точки теперь можно смело начинать с прописной буквы. Что я и сделаю, продолжал Гегельян.

В Нечто завязывается росток жизни. Начинается бессознательное постижение только что произведенного на свет пространственно-временного конгломерата, постижение в виде ощущений, принципиально отличающихся от человеческих чувств. Первичные ощущения Нечто следовало бы назвать категориальными: переход из одного качества в другое, накопление количественной / временной информации, смена состояний (ночь – покой, день – импульс, побуждающий к действию) и пр. Нечто пока не чувствует ограничений ни внутри, ни снаружи. Но через какие-то, условно говоря, миллионы лет количество измерений / ощущений Нечто возрастет беспредельно. Между тем в поле его существования – внутреннем или внешнем, пока неясно и неважно – формируется настоящий космос, во всем своем макро- и микро- многообразии. Образуются сонмы галактик, планетных систем, звезд, пульсаров, черных дыр и т.п., состоящих из молекул, атомов, ядер, частиц, античастиц и т. д.

Но главное – в Нечто постепенно пробуждается сознание, поначалу довольно примитивное, затем более тонкое и даже изощренное. Нечто учится усваивать и постигать как внешний / внутренний мир, так и самое себя. Оно учится видеть / чувствовать и спустя сотни тысяч лет неожиданно для себя и весьма отчетливо видит одну из планет, сразу же начиная ощущать неразрывную с нею связь – прочную, непосредственную и в то же время опосредованную не совсем явной и до конца не реализованной своею возможностью творить все из ничего. Планета независимо от него – будто что-то может не зависеть от Нечто! – то приближается, то отдаляется, и оно долго не может понять, в чем дело, пока не научается осуществлять свои внутренние либо внешние приближения к данному объекту.

В каждое из таких приближений (кстати говоря, их вполне можно считать посещениями), в каждое такое посещение на планете что-то происходит. Взвихривается атмосфера, взбухают океаны, вздымаются горы, возникают флора и фауна, – все это очень напоминает Землю во всем ее ветхозаветном великолепии, благополучии и безгрешности. Будем, наконец, называть вещи своими именами, как-то неожиданно громко возопил Гегельян (видимо, уже под влиянием пивных паров) и, пригубив свеженького, перешел к следующей части рассказа: наша планета и есть Земля, и она готова ко всему.

Острейший интерес испытывает Нечто к необычным существам, впрочем, их можно сразу назвать людьми и нечего наводить тень на плетень. Люди пахнут землей, возделывают сады, выращивают овощи, разводят скот, готовят нехитрую еду, едят, пьют, спят, поют песни, веселятся, печалются, ссорятся, но быстро забывают о своих ссорах, ибо не могут долго сердиться друг на друга. Порою у них появляются дети, и это очень занимает Нечто. Иногда люди молятся, чаще всего – женщины, и тогда Нечто обволакивается испариной самых противоречивых желаний. Оно пока не умеет их разбирать, не понимает их смысла, и, может быть, оттого в нем зарождается сострадание к людям – а это уже совсем, совсем по-человечески.

Когда в одной семье между двумя родными братьями вспыхивает очередная ссора, Нечто поначалу не очень обращает на них внимание: люди вечно о чем-то спорят. Старший брат, земледелец, прежде чем принести на алтарь плоды дела рук своих, долго постился, молился, отскребал от себя духовную скверну, наконец тщательно мылся, умащивался благовониями и облакался в чистые одежды. Только после этого, захватив заблаговременно испеченный хлеб, собственноручно вымытые овощи и фрукты и полный кувшин виноградного вина, чистый, свежий и благоуханный, отправился к алтарю. Младший же брат, пастырь овец, приперся к святилищу как есть, прямо с поля, в засаленном овчинном кожаном, грязный, потный, нечесанный, небритый, и старым зазубренным ножом со следами запекшейся крови прямо на алтаре, с пошлыми шутками-прибаутками, принялся пилить горло вонючему барану, обрекая животину на бессмысленные страдания. Стреноженная скотина жутко взблеивает, захлебывается предсмертным хрипом, а бедный старший брат едва успевает уберечь свои чистые приношения от неосвященной идоложертвенной крови.

– Дай вина! – требует младший, кое-как прикончив барана, и, не дождавшись разрешения, не отерев рук, хватается кувшин и присасывается к узкой глиняной горловине.

Пьет он жадно, неряшливо, чистое вино нового урожая стекает по его бороде, по вонючей овчине прямо на алтарь, смешивается с черной бараньей кровью. Старший не выдерживает.

– Отдай, свинья! – говорит он, выхватывая у брата кувшин.

Младший мутно смотрит на брата тупыми до отвращения глазами. Когда же до него доходит сказанное, он свирепеет и ловким ударом посоха разбивает кувшин. Старший отшатывается. Остатки вина заплескивают хлеб, овощи и фрукты. Теперь они непригодны для обряда.

– Недоносок! – старший с омерзением смотрит на брата, бросает прочь ручку от кувшина и резко поворачивается, чтобы уйти.

Младший набрасывается на него сзади, сбивает с ног, грузно наваливается, крепко прижимает к земле, изрыгая грязные проклятия. Старший пытается вывернуться из-под жирной туши, шарит руками по земле, нащупывает нечто бесформенное, с острыми краями...

Опомнившись, он долго смотрит на окровавленную голову мертвеца, на свои руки, перепачканные кровью брата, на потемневшую от крови ослиную челюсть...

Нет, считать Нечто Богом пока рано, останавливает Гегельян преждевременные догадки пьющих, замороженных пивом и повествованием, и, похоже, догадавшихся, о ком идет речь. И хотя оно, сострадав как убитому, так и братоубийце, глубоко переживает по поводу безвинно пролитой крови, отвлеченные боль и жалость еще никого не делают Сущностью всего. В полной мере Бог проявится в этой истории только через десятки столетий. А пока... братоубийство и бесконечные войны, развязанные потомками старшего брата, побуждают Нечто

всерьез заняться изучением самого себя, созданного им мира и своих взаимоотношений с этим миром. Время от времени Нечто удаётся каким-то образом прекратить текущее кровопролитие. А порой буквально на ровном месте, из ничего, завязывается многолетняя вражда между самыми близкими друзьями, семьями, даже странами, и Нечто ничего не может с этим поделать. Оно уже ясно понимает свою причастность ко всему на свете, свою творческую первопричинность, но механизм воздействия на Землю и на события, там происходящие, ускользает от осмысления. Нечто вполне сознательно берет на себя ответственность за все им сотворенное и намеревается во что бы то ни стало обезвредить свое непрерывное, бесконечное и, как показывает история, разворачивающаяся перед ним, не всегда позитивное влияние.

Увы, это легче подумать, чем осуществить. Впервые Нечто сознает свое бессилие, невозможность выразить себя целиком и полностью, поведать кому бы то ни было о себе и своих замыслах. Оно сознает... сознает... запинаясь явно косеющий от не своего рассказа Гегельян... собственное несовершенство, собравшись с силами, выпил... выпаливает он. Что же тогда требовать от людей? Их надо принимать такими, каковы они есть, какими они сотворены. Их не переделаешь, не пересоздашь. Эта мысль, подкрепленная внезапно проступившим и очень неудобным ощущением небеспредельности сотворенного универсума, погружает Нечто в бесконечную тоску. Скорбь и безысходность надолго, если не навсегда, овладевают им. Тоска стала бы совсем непереносимой, если бы...

Если бы оно, то есть он, нет, все-таки оно... Гегельян сбивается, наливает, пьет, снова наливает – через край льешь! – спохватывается и, опомнившись, то есть выпив, продолжает: если бы Он внезапно не увидел... Себя, неуверенно бредущего по Земле. Подлинность, натуральность, а с другой стороны, какая-то сверхъестественность происходящего завораживают Его. Он – Тот же Самый и в то же время Другой – оживший, живой, из плоти и крови, в здравом уме и трезвой памяти. Но это не раздвоение, нет, это целокупность бытия, полнота осуществления, еще одно, может быть, самое важное, самое необходимое измерение...

Под ногами пыль, над головою солнце, жарко, но Он не чувствует жары. Он внимательно смотрит на горы, на реку, сверкающую вдаль, на солнце, словно... вглядывается в Себя... и не узнает. Потому что Он... человек. Он – человек.

Он подходит к группе полуобнаженных людей, совершающих ритуальное омовение. Один из них, похожий на бесноватого, преклоняет пред Ним колена, и... что-то вроде недостоин развязать сандалии на ногах Твоих, Господи. Точно, бесноватый, думает Он, ведь Мои ноги босы, а Я всего лишь человек. Он тоже снимает одежды и входит в воду...

Происходит необъяснимое, потому неизбежное. Везде, где бы Он ни проходил, Его приветствуют, славят, поют осанну, называют Спасителем, Сыном Божьим. У Него появляются друзья, сторонники, последователи. У Него даже отыскивается Мать, седая старушка, и Он испытывает непередаваемое волнение от слов «Сын мой! Вернулся!» Все словно чего-то ждут от Него, ожидание концентрируется в коротком, емком и маловразумительном слове – чудо. Однажды Он, задумавшись, прошелся по воде, и толпа в благоговейном страхе пала перед Ним ниц. Ему стало стыдно. Совестно творить чудеса на глазах у тех, кому это не дано. Более того. Совестно быть Богом среди людей. Гораздо благородней, будучи Богом во плоти, все-таки оставаться человеком и, оставаясь им, отказаться от права на всяческие чудеса. Чудо как средство убеждения, как предикат веры – запрещенный прием. Уверуй – и это будет самое настоящее чудо. Но бедные люди страстно желали иных чудес, нетерпение толпы принимало самые болезненные, порой самоубийственные формы. Толпа хотела чуда, и Он подарил ей чудо. Он... заговорил:

- *Благословенны слепые, ибо они прозреют.*
- *Благословенны нагие, ибо они облекутся в одежды.*
- *Благословенны заключенные, ибо они освободятся от оков.*
- *Благословенны согбенные, ибо они распрямят спину.*

- *Благословенны усталые, ибо они обретут силы.*
- *Благословенны бодрствующие, ибо они уснут сладким сном.*
- *Благословенны смертные, ибо для них создан этот мир...*

Больше для людей Он ничего сделать не мог.

Многие потрясены Его речами, сотни людей ходят за Ним по пятам, кое-кто называет себя Его учеником. Но в целом толпа испытывает разочарование: если мертвые не оживают – какое же это чудо? И так было везде, куда бы Он ни направлял стопы Свои. Как раскрыть людям глаза, не прибегая к чуду, Он не знает. Впрочем, от чудес тоже не много проку. Значит, Его миссия на Земле обречена на провал. Значит, обречен и Он Сам.

Вскоре Его действительно предают, и Он принимает это как должное. Он не промолвил ни слова, когда солдаты вели Его сквозь беснующуюся толпу. Он добровольно, даже не помышляя спастись, отдал Себя в руки врагов Своих. Для Него Самого, пришедшего указать людям спасительный путь, спасения не было, и Он это знал. Своим явлением Он Сам отрезал пути к нему. Иначе и быть не могло. На Земле Он был человеком и обязан был поступать по-человечески. Когда Ему в руку забивали первый гвоздь, Он понял, каково это – быть человеком, состоять из плоти и крови, испытывать не метафизическую, а настоящую боль. Он закричал и на какое-то время лишился сознания.

Когда Он пришел в Себя, то, кроме нечеловеческой боли, почувствовал еще кое-что. Он сначала не понял, что именно почудилось, привиделось или, быть может, приснилось Ему на кресте, ибо невозможно, будучи Распятым, заниматься Самопознанием, исследовать пределы Собственного Я. Но некоторое время спустя Он (в своем новом – крестном – состоянии) ясно ощутил... Собственные границы. Какая-то невидимая и довольно упругая пленка окружала Его и созданный Им мир. Мысленно и – кто знает? – может быть, не только мысленно Он наткнулся на нее, и это причиняло Ему дополнительные страдания. Что это за пленка, Он не знал, а сумбурные предположения на этот счет, тлевшие в Его воспаленном мозгу, не освещались даже искрой вероятности. Постепенно в Нем созрело едва ли осуществимое в Его положении намерение выйти на свободу из этой пространственной или, быть может, внепространственной тюрьмы. И чем больше Он этого хотел, тем больше, как Ему казалось, впивались гвозди в Его ноги и руки. Если бы Ему удалось найти выход, то, вполне возможно, и крестные муки сошли бы на нет. Или же их не было бы вовсе, не оказался Он в одиночной камере... Своего духа?

Несколько часов ждал Он смерти. Он не мог ускорить ее прихода, не мог Своевольно прекратить Своих страданий, ибо, вернувшись туда, откуда пришел, Он был бы не вправе считать Себя чьим бы то ни было отцом, тем более Отцом небесным. Настоящий Отец должен знать, на что Он обрекает своих детей. Но более всего угнетало Его замкнутое пространство, очень похожее на своеобразный орех с упругой оболочкой, где Он, по всей видимости, оказался с самого начала. Ранее, по Своей беспомощности и слепоте, Он не замечал никаких ограничений, а теперь просто физически – благодаря тем, кто пригвоздил Его к кресту (как ни чудовищно это звучит!) – физически ощущал не имеющую ни конца, ни начала скорлупу, неизвестно кем (неужели Им Самим?) воздвигнутую вокруг Него и Его мира. Он чувствовал беззащитность, неуверенность, безысходность, страх.

С Землей тоже творилось невообразимое. Сначала разодралась посредине завеса в ближайшем храме. Потом покосился и рухнул сам храм. Солнце исчезло, небо заволокло клубящейся чернотой, хищные клювы молний впивались в землю, громобойная канонада крошила пространство и время, черные тучи налились оловянной жидкостью, заходили ходуном безумные смерчи, вспухли океанские волны – Он Сам и Его Вселенная, два полюса, две точки или, вернее, две взаимопроникающие сферы Его существования находились на грани катастрофы, и Ему было до слез жаль навсегда утратить Себя Самого и Свой мир. Но более всего Ему

до смерти захотелось воссоединиться со Своим Отцом – стать наконец Самим Собою, то есть... Богом, Кем Он, собственно говоря, и был изначально.

И вот, когда томление достигло предела; когда непреходящая тоска заставила Его биться на кресте в бессознательных попытках прорвать треклятую и удивительно гибкую оболочку; когда в то же самое время гигантские массы дождевой и океанской воды разом обрушились на сушу; когда вспучилась и полопалась земная кора островов и материков; когда в чудовищные земляные разломы стали проваливаться целые селения и даже города, а люди – гибнуть десятками, сотнями, тысячами тысяч, – только тогда Он прозрел. Он наконец понял, каким образом следовало устраивать земные дела, как можно было сохранить Землю в первозданном виде, сделать жизнь людей безоблачной и счастливой. Но было уже поздно. Он не мог, не должен был, не имел права остановить светопреставление, тем более – отменить Распятие.

– Отче! – из последних сил воскликнул Он. – В руки Твои предаю дух Мой!

И дух Его, навсегда покидая человеческое тело и сотворенный мир, точнее – телесную оболочку этого мира, – рванулся навстречу Отцу... на встречу – с Отцом...

Раздался немыслимый в земных условиях взрыв. Земля раскололась на миллионы кусков разной величины – и в ту же секунду пленка, окутывавшая Его, разверзлась, и Его буквально ослепил пронзительный свет, по своей глубине и мощи сравнимый разве что со светом, некогда потрясшим точку, зародыш Его погибшей Вселенной. Он рванулся к пролому, напрягся, выскользнул на свободу и... едва не задохнулся от собственного крика...

– Какой крикун, – удовлетворенно пробасил акушер, принимая младенца. – Килограмма на четыре потянет...

Последнюю фразу произнес уже не рассказчик, а сам Лившиц, под утро забредший к Гегельяну на огонек и заставший компанию в антирефлекторном состоянии. Все спали мертвецки, и только Гегельян, засыпая, все еще продолжал по инерции ворочать отяжелевшим языком...

– Так я и родился, – тихо сказал Лившиц, только чтобы как-то закончить затянувшийся рассказ, много лет назад начатый трезвым Гегельяном, и, стараясь никого не разбудить, вышел из дома спящих наружу.

Трек 03

– **Что это значит** —

бытие, взятое со знаком минус?

– Вас что интересует: минус или взятое, то есть то, что берет?

– Гм, пожалуй, минус. С теми, кто берет, знаете ли, хлопот не оберешься.

– Хорошо. Есть несколько вариантов. А именно: антибытие; небытие; не бытие, а что-то другое; далее – инобытие, то есть бытие иного рода; наконец, просто отрицательное или, как говорил один мой знакомый, отрицательное бытие. Вспомните Стагирита, у него это хорошо прописано.

– Не знаю, не слышал. А нельзя ли как-нибудь попроще?

– Можно. Возьмем, к примеру...

– Возьмем?! И вы туда же!

– Какой же вы, право... Хорошо. Есть фраза... Так пойдет?

– Вполне.

– Есть фраза: «Я хочу спать». В свете нашей беседы ее можно видоизменить, как минимум, трояко. «Не я хочу спать». «Я не хочу спать». «Я хочу не спать». Каждое из этих утверждений имеет особый смысл, а по отношению к первоначальному является отрицанием. Это азбука логики.

– Понятно. Значит, мы с вами рассуждаем о бытии этой фразы?

– Мы с вами... М-да... Безусловно. Бытие наличествует у всех и у всего. Говоря точнее, оно дано. Людям, животным, неодушевленным предметам, ну, я не знаю, произведениям искусства... А! Вот вам любопытный пример. Возьмем... простите великодушно, всем известную «Антигону».

– Эхила? Знаю.

– Софокла. Но это неважно. Как можно словесно оформить отрицательное бытие «Антигоны»?

– Ну, и вопросик! Так... если есть Антигона... значит, есть Анти, а это отрицание. Так?

– Допустим.

– Значит, так. Если отбросить Анти, останется... Гона.

– Блестяще! В таком случае не логично ли было бы присоединить к именам остальных персонажей «Антигоны» отброшенную вами... гм... частицу? Получится Антиэдип, Антикреонт, Антиисмена, Антигемон и т. д. С другой стороны, Антигону, по-вашему просто Гону, можно переименовать и в Антиантигону.

– Слишком громоздко.

– Вы правы. Есть еще вариант. Антигона – женщина. Значит, возможен и мужчина: Антигон.

– Точно! Как я раньше не додумался!

– Погодите. Одним Антигоном дело не ограничится.

– Как так?

– Придется менять пол остальным персонажам.

– Что же в этом хорошего?

– Конечно, ничего. Да я и не настаиваю. Мы же говорим теоретически. Однако, изменив половую принадлежность действующих лиц «Антигоны» и оставив нетронутой интригу пьесы, мы тем самым поставили бы все с ног на голову. Матриархат в Древней Греции, – а без него тут не обойтись, – это, знаете ли, такая чудовищная несообразность. Чтобы этого избежать, пришлось бы перенести действие в Антигрецию или Негрецию, или еще в какую-нибудь не Грецию. Разницу улавливаете?

- Теперь – да.
- Только Сфинкс можно оставить такой, какая есть.
- Почему такая есть, а не какой?
- Потому что Сфинкс по-гречески женского рода. Но тут, повторяю, лучше ничего не менять. Путаница все равно останется, даже если наша Сфинкс превратится, условно говоря, в мужчину либо станет зваться Антисфинкс.
- Хорошо, пусть будет по-вашему.
- Пойдите! Меня осенило. Попробуем усложнить задачу.
- Каким образом?
- Давайте введем в «Антигону» еще один персонаж, Софоклом не предусмотренный. Нет, лучше в «Царя Эдипа». Там больше простора. Да и Сфинкс, кстати говоря, не из «Антигоны», а из «Эдипа». И как это я запомнил?
- Что же получится?
- «Эдип» без постороннего – одно, с посторонним – нечто совершенно противоположное.
- Кого вы хотите внедрить в пьесу?
- Лившица.
- Что бы мы без него делали, ума не приложу!
- Напрасно иронизируете. Не будь его, мы с вами просто пропали бы. Ну да Бог с ним. Приступим?
- Давайте, где наша не пропадала!
- Предварительно освежим в памяти первоисточник. Фиванскому царю Лаию, женатому на Иокасте, было предсказано, что он будет убит своим сыном Эдипом. Лаий велит пастуху бросить младенца в пропасть. Но пастух отдает мальчика коринфскому царю Полибу и его супруге царице Меропе. Эдип вырастает в полной уверенности, что они его родители. В юношеском возрасте он, в свою очередь, получает предсказание от дельфийского оракула, что убьет своего отца и женится на собственной матери. Тогда он покидает Коринф, случайно оказывается в Фивах, где пророчество в точности сбывается.
- Что изменится благодаря Лившицу?
- Сущность происходящего. Не станем назначать Лившицу никакой роли. Будем только иметь в виду его постоянное присутствие. По нашей версии, Лаий, узнав волю провидения, не бросает сына в пропасть. Эдип благополучно вырастает, женится на Эвригании и становится отцом двух мальчиков, Этеокла и Полиника, и двух девочек, Антигоны и Исмены. Однако дамоклов меч, в течение нескольких десятилетий нависающий над родителями Эдипа, едва не сводит их с ума. В конце концов Лаий, измученный страхом и неизвестностью, решает разом разрубить гордиев узел своих проблем: отправляет Эдипа от греха подальше в Коринф. Эдип, почуввав неладное, сперва заезжает в Дельфы, где и узнает о своей ужасной «миссии». Он решает навсегда осесть в Коринфе, у царя Полиба и царицы Меропы.
- Кое-какие изменения, конечно, произошли. Но большой разницы между версиями я не вижу.
- То есть как? Вам мало того, что Лаий и Эдип, Эдип особенно, поступают наперекор богам? Боги этого не прощают. Они и так слишком долго терпят своеволие отца и сына.
- И что будет дальше?
- Дальше было вот что. Фивы поражает смертоносная болезнь – вот она, карающая длань богов. Люди умирают даже на улицах. Оставшиеся в живых не могут покинуть города, потому что беглецов подкарауливает невесть откуда взявшаяся / взявшийся Сфинкс. Он / она задает всем свою неразрешимую загадку и пожирает тех, кто не может ее отгадать.
- Но это же происходит не по вине Лившица?
- Кто знает, кто знает... Теперь ни за что ручаться нельзя. Чем сейчас занят Лившиц как действующее лицо «Эдипа»?

– Понятия не имею.

– То-то и оно. Тем временем Антигона, любимая дочь Эдипа, посылает отцу письмо с описанием фиванских безобразий. Речь в депеше идет не столько о бедах, постигших город, сколько о сложившейся там политической обстановке. Иокаста почти безумна. Лаий одряхлел. От его имени правит Креонт, которого поддерживает Этеокл и ненавидит Полиник. Братья постоянно грызутся. Исмена занята только собой и своими амурными (если по-гречески, то эротическими) делами. Антигона умоляет отца вернуться, пока Лаий в приступе старческого маразма не передал власть Полинику или Креонту.

– Эдип, конечно, решает ехать.

– Да. Навстречу своей судьбе.

– Ему не позавидуешь. Но сможет ли он управиться со Сфинкс... сом?

– Еще как! Эдип разгадывает загадку, Сфинкс бросается в пропасть, а будущий фиванский царь появляется в отчем доме как раз в тот момент, когда слабеющий рассудком Лаий под давлением Креонта намеревается сложить с себя царские полномочия. Лаий уже произносит: «Отрекаюсь в пользу...» – тут он видит любимого сына, входящего тронный зал, и с облегчением добавляет: – «...в пользу Эдипа!» Все потрясены.

– На месте богов я бы отменил все пророчества и дал бы этим людям пожить по-человечески. Они это заслужили.

– Вы плохо знаете богов. Во-первых, они никому ничего не прощают; во-вторых, даже боги подчиняются велениям судьбы. Впрочем, на этот раз они вроде бы отступают, ибо эпидемия мало-помалу сходит на нет. Хотя возвращение Эдипа вписывается в рамки и другого истолкования: возможно, он вознамерился осуществить чудовищное предначертание, поэтому боги решают и сами немного отдохнуть, и дать передышку своим подопечным. Так или иначе, Фивы ликуют, объявляют Эдипа спасителем народа, радуются гибели Сфинкса, и вообще все поголовно счастливы. Но недолго.

– Так я и знал! И порадоваться людям не дадут!

– Как по-вашему, что там происходит?

– По-моему, на глазах царя Эдипа усиливается распря между Этеоклом и Полиником, за которым стоит Креонт.

– Увы, да. Особенно раздосадован Полиник, ведь он давно хотел сместить деда. Этеокл мешал брату. Креонт, лукавый царедворец, всячески раздувал эту вражду, потому что в глубине души сам надеялся захватить трон. Вспыльчивый Полиник теряет терпение, тайно покидает город, собирает войска и осаждает Фивы. Этеокл, во главе фиванской армии, готовится отразить осаду. В самый разгар подготовки к гражданской войне эпидемия возобновляется.

– Час от часу не легче!

– Однако и в отсутствие Сфинкса покинуть Фивы невозможно. Ввиду военных действий, развязанных Полиником, Эдип под страхом смерти запрещает жителям уходить из города. Язва поражает и армию Полиника. Его солдаты бегут куда глаза глядят.

– Но в Фивах ситуация, по-видимому, гораздо хуже.

– Город вымирает. Эдип в отчаянии. Положение Лаия и Иокасты еще ужасней. Они устали жить. Старики не раз пытались добровольно расстаться с жизнью, но именно по этой причине за ними было установлено строжайшее наблюдение. Правда, последние события отвлекли внимание Эдипа от престарелых родителей.

– Да и о серьезной дисциплине в гибнущем городе не может быть и речи.

– Полубезумный Лаий ускользает из-под домашнего ареста. Стража перехватывает его на выходе из города и под охраной препровождает обратно. Лаий нарушил приказ царя Эдипа и должен умереть. Кого-либо другого стражники убили бы на месте, но в случае с Лаием лишняя осторожность не повредит. Гонец докладывает Эдипу о происшествии. Царь глубоко огор-

чен и озадачен. В это время его извещают, что слепой прорицатель Тиресий явился объявить царю волю богов.

– Ничего хорошего я от него и не ждал.

– Эдип должен изгнать из города убийцу Лаия.

– Но ведь Лаий жив...

– То же самое, возражая Тиресию, говорит и Эдип.

– Тиресий продолжает настаивать. Эдип недоумевает. Прежде чем изгнать из города убийцу Лаия, надо его сперва... убить, – так, что ли? Кто же дерзнет поднять руку на моего отца, спрашивает Эдип.

– Ты сам, – отвечает Тиресий.

– Эдип в ужасе, он вспоминает о своем приказе никому не выходить за городские ворота. Кроме того, продолжает Тиресий, ты должен жениться на своей матери. Должен. Иначе боги сотрут Фивы с лица Земли. Вместе с великим фиванским народом.

– Примерно то же самое советует отцу и Антигона. По сравнению со своей сестрой Исменой она обладает прямо-таки мужским характером.

– Эдип сломлен. Оказывается, от судьбы не уйдешь. Он не препятствует казни отца, значит, косвенно становится его убийцей, после чего женится на матери. Во время брачной церемонии к сумасшедшей Иокасте на какое-то время возвращается рассудок. Обезумев от содеянного, она налагает на себя руки. В отчаянии Эдип выкалывает себе глаза и уходит... гм... куда глаза глядят, уже не скажешь.

– А что же наши воители, Этеокл и Полиник?

– Бесконечные стычки и особенно моровая язва делают свое дело. Война угасает сама собой за отсутствием полноценных армий. Попавший в двусмысленное положение Полиник вызывает Этеокла на поединок. Ставка: фиванский трон. Этеокл соглашается, убивает Полиника, но и сам умирает от ран. Царем становится Креонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.